

М.Н. Анненков

**Федор Владимирович
Цветаев в воспоминаниях
его товарищей и учеников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Н. Анненков**
Федор Владимирович Цветаев в воспоминаниях его товарищей и учеников /
М.Н. Анненков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 89 с.

ISBN 978-5-517-82889-7

ISBN 978-5-517-82889-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемый сборникъ статей и воспоминаній о неожиданно скончавшемся, годъ тому назадъ, московскомъ педагогѣ О. Вл. Цвѣтаевѣ составленъ его почитателями главнымъ образомъ изъ среды его товарищей по образованію, сослуживцевъ и учениковъ. Выпуская эту небольшую брошюру къ первой годовщинѣ его горячо оплаканной кончины, мы исполняемъ этимъ и долгъ многолѣтней дружбы съ покойнымъ и желаніе всѣхъ знавшихъ этого истинно добраго и хорошаго дѣятеля нашей средней школы. Ниже слѣдующія страницы посвящаются нами его ученикамъ и ученицамъ, которыхъ у него было много и которымъ онъ отдавалъ всѣ свои думы, попеченія и силы. Онъ и умеръ въ заботахъ о своихъ ученицахъ, которымъ въ скоромъ времени предстоялъ трудный выпускной экзаменъ.

М. Анненковъ.

I.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

I.

Юность О. Вл. Цветаева.—Низшая и средняя школа.—Университет.—Начало служебной деятельности.

Въ ночь съ 11-го на 12-е минувшаго февраля неожиданно для всѣхъ скончался инспекторъ 2-й московской женской гимназіи Осдоръ Владиміровичъ Цветаевъ, проболѣвъ только три дня. Эта всего менѣе предполагавшаяся кончина глубоко поразила педагогическій міръ Москвы, среди котораго покойный пользовался искреннимъ уваженіемъ, а равно и обширный кругъ его учениковъ и ученицъ, гдѣ его личность въ теченіе всей его педагогической службы окружена была неизмѣнной любовью. Въ числѣ лицъ, пораженныхъ этою преждевременною утратой полезнаго общественаго дѣятеля и очень хорошаго человѣка, находился и пишущій эти строки. Подъ гнетомъ охватившаго горя мы могли тогда только прилепываться къ многочисленнымъ похваламъ лучшимъ свойствамъ покойнаго нашего друга, не имѣя силъ принять прямого участія въ дѣлѣ освѣщенія нравственныхъ достоинствъ этого скромнѣйшаго дѣятеля средней школы.

Лишь теперь мы собрали въ памяти нѣкоторыя разсѣяныя черты и дѣлимся ими съ другими почитателями его личности, надѣясь этимъ носильнымъ возстановленіемъ дорогаго портрета доставить имъ несомнѣнное удовольствіе.

Нани воспоминанія касаются здѣсь только его юности и пачала его педагогической службы.

Федоръ Владиміровичъ Цвѣтаевъ родился въ 1849 году въ семьѣ сельскаго священника владимірекой губ., шуйскаго уѣзда, Владиміра Васильевича Цвѣтаева.

Первыми уроками въ грамотѣ и воспитаніи онъ обязанъ былъ своему отцу, человѣку замѣчательно кроткому и доброму, но воли твердой и настойчивой.

Тихій, молчаливый, погруженный въ исполненіе своихъ обязанностей по церкви и по приходу и отличный сельскій хозяинъ. самъ собственными руками пахавшій и сжинавшій въ молодости свое поле, самъ косившій траву до преклонныхъ лѣтъ, самъ сушившій овины и молотившій цѣпомъ свой хлѣбъ, идя въ этомъ тяжеломъ трудѣ на ряду съ рабочими, этотъ скромный сельскій священникъ пользовался такимъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ, что за совѣтомъ и нравственною помощію къ нему часто приходили лица самыхъ разнородныхъ общественныхъ положеній.

Духовникъ и затѣмъ благочинный по избранію духовенства своей округи, онъ сталъ центральною личностью, къ которой тяготѣли и духовные, и міряне. — простой народъ, необычайно его любившій, и помѣщики, и чиновники сосѣднихъ городовъ Шуи и Иваново-Вознесенска, относившіеся къ нему всегда съ замѣчательнымъ почтеніемъ. Кротость и доброта характера, серіозность внутренняго настроенія и сознаніе своего достоинства, которымъ не поступился онъ ни разу въ жизни ни передъ кѣмъ, въ одно и то же время и привлекали къ этому „отцу Владиміру“ (такъ его звали и заочно) всѣхъ имѣвшихъ въ

немъ какую-нибудь нужду, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сдерживали въ его присутствіи рѣчи даже людей на языкъ необузданныхъ и охотниковъ до вольныхъ калябуровъ и выраженій сомнительнаго достоинства. Какая-то особая нравственная мощь царя въ этомъ скромномъ сельскомъ священникѣ, и только этимъ объясняется тотъ фактъ, что когда онъ окончилъ свою исполненную трудовъ и плодотворную жизнь, то погребеніе его привлекло большую массу и простого народа, и иныхъ почитателей съ обширнаго района. Большой сельскій храмъ не могъ тогда вмѣстить въ себѣ всѣхъ сюда прибывшихъ, а съ хвалебнымъ надгробнымъ словомъ нравственной личности кроткаго захолустнаго служителя алтаря явился изъ города лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ.

Это было ранней весной 1884 г. Съ тѣхъ поръ прошло 17 лѣтъ; но эти особо сердечныя и особо многочисленныя и торжественныя похороны скромнаго труженика живо предстали предъ нами 14-го февраля сего года, когда въ Москвѣ хоронили его сына, инспектора 2-й московской женской гимназіи и учителя 6-й мужской гимназіи Ѳ. Вл. Цвѣтсва. Такъ же, какъ ко гробу его отца, собралось теперь само собою, движимое исключительно нравственными мотивами, очень большое общество со всей Москвы, люди различныхъ классовъ и возрастовъ, начиная съ сѣдыхъ стариковъ и кончая юными питомцами и питомицами учебныхъ заведеній.

Сошлись сюда и родители его учениковъ и ученицъ, и его прежніе питомцы, давно сами выступившіе на жизненную арену, и недавніе гимназисты, ставшіе студентами; плотною стѣной обступили утопавшій въ цвѣтахъ и вѣнкахъ его гробъ многочи-

сленные сослуживцы и товарищи. Все эти лица принесли съ собою и несомнѣнную скорбь, и слезы сожалѣнія, и недоумѣніе о преждевременности кончины любимаго человѣка, и громко высказывавшіяся горячія и почтительныя рѣчи о добротѣ и высокогуманномъ образѣ почившаго. Такой же скромный, кроткій, такой же застѣнчивый, весь преданный тяжелой школьной работѣ, не терпѣвшій и не знавшій въ жизни никакихъ рекламъ, этотъ учитель и руководитель среднихъ учебныхъ заведеній Москвы почтенъ былъ такимъ публичнымъ горемъ и такими трогательными рѣчами, посвященными его „добродѣтели“, какія рѣдко выпадаютъ на долю даже и людей высокаго общественнаго положенія и при жизни громкаго титула и имени. Горе и почтеніе его бывшихъ учениковъ не позволили роднымъ поставить его гробъ на погребальную колесницу: студенты высшихъ учебныхъ заведеній Москвы и гимназисты старшихъ классовъ понесли гробъ своего бывшаго наставника по всему городу, вплоть до траурнаго вагона желѣзной дороги, возбуждая тѣмъ общіе вопросы публики по всему пути печальнаго шествія. То были похороны, рѣдкія по многолюдству и по искренности выражаемой скорби.

Что же привлекло такую многочисленную и разнообразную массу лицъ вѣчно занятой столицы ко гробу человѣка, при жизни, внѣ исключительнаго школьной сферы, совсѣмъ неизвѣстнаго? Эти наилучшія чувства памяти и почтенія вызваны были тѣми же нравственными свойствами почившаго, какими обладалъ его отецъ и первоначальный воспитатель и которые тотъ передалъ своему сыну: эту любовь къ другимъ, неизмѣнное доброжелательство, привычку служить беззаветно всѣмъ, въ его участіи нуждавшимся, скром-

ность въ отношеніи себя, рѣдкую деликатность въ обхожденіи съ другими и высокое уваженіе правъ ч е л о вѣ ч е с к и хъ во всякомъ, будь это мальчикъ, дѣвочка или старикъ, значный или бѣднякъ, человекъ ему совѣтъ посторонній, или въ какомъ-либо отношеніи отъ него зависящій.

Тутъ между отцомъ и сыномъ было столько общаго, что одни и тѣ же нравственныя свойства перваго до подробностей повторились въ послѣднемъ. Оттого и почетъ имъ на концѣ ихъ жизни былъ возданъ тотъ же самый, хотя и въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстахъ и въ различныхъ общественныхъ сферахъ.

Но мы уредили событія. 9-ти лѣтъ отъ роду Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ былъ помѣщенъ въ шуйское духовное училище. Велика была бѣдность жизни юношей духовныхъ школъ лѣтъ 40 тому назадъ. По 8—10 человекъ они ютились въ заднихъ избахъ или на кухняхъ мѣщанъ и причетниковъ уѣздныхъ городовъ, окруженные невѣроятною нищетою: не зная кроватей, они спали на полу въ повалку, по лавкамъ или на полатяхъ, на простыхъ войлокахъ, безъ малѣйшаго признака постельнаго бѣлья, и ходили въ жесткихъ пестрядныхъ рубашкахъ. Посѣщали они школу до 15 лѣтъ въ лѣтнюю пору б о с и к о мъ, а зимой оставались все время классовъ въ овчинныхъ домашняго приготовленія тулупахъ и валенкахъ, такъ какъ двойного платья, верхняго и нижняго, тогда духовнымъ школьникамъ не полагалось, да и раздѣвальныхъ въ школахъ не было и въ поминѣ. Эта бѣдность съ аскетически-скуднымъ питаніемъ изъ деревяннаго общаго блюда и деревянными ложками и съ хожденіемъ зимой на лѣтнія вакаціи также босикомъ на протяже-

ни болѣ сотни верстъ и со всѣмъ имуществомъ за плечами—эта для настоящаго времени уже легендарная бѣдность школьной жизни должна была вселить въ будущаго учителя и инспектора то твердое пониманіе горечи чужой нужды, которымъ быть такъ замѣчательно силенъ и такъ хорошо быть извѣстенъ Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ всѣмъ, гнетомымъ бѣдностію — и ученикамъ, ихъ родителямъ и товарищамъ-педагогамъ.

Не любя говорить о тяжелыхъ дняхъ своей юности, онъ глубоко чувствовалъ чужую нужду и не умѣлъ жалѣть себя на хлопоты о матеріальной и нравственной помощи всякому, кто въ ней нуждался. Облегченіе чужого несчастья и матеріальнаго стѣсненія отличало его поэтому всю жизнь; работалъ онъ для этого много, говоря объ этомъ по обыкновенію очень мало или, вѣрнѣе, совсѣмъ не разсказывая о томъ другимъ, даже и самымъ близкимъ. Только уже по его кончинѣ вскрылись черновыя его многочисленныхъ писемъ, ходатайствъ и представленій различнымъ лицамъ и учрежденіямъ о матеріальномъ пособіи людямъ, ввѣреннымъ его попеченію.

Суровая школа, пройденная Ѳ. Вл. Цвѣтаевымъ на зарѣ жизни, была новымъ факторомъ въ образованіи особо-гуманнаго характера этого будущаго педагога и начальника учебнаго заведенія. Духовнымъ училищамъ, сначала шуйскому, потомъ владимірскому, и владимірской духовной семинаріи, гдѣ онъ продолжалъ свое среднее образованіе, Ѳ. Вл. Цвѣтаевъ обязанъ и другимъ педагогическимъ принципомъ, это—убѣжденіемъ его въ крайнемъ вредѣ многочисленныхъ классовъ. Желательность параллельныхъ отдѣленій для школъ, гдѣ онъ въ разное время училъ, и необходимость основанія новыхъ учебныхъ заведеній—